

Н. Н. БАРАНОВ

БРАТЬЯ ГРИММ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НЕМЦЕВ

В статье рассматривается образ братьев Гримм и его значение для идентичности немцев. Установки официальной политической культуры во многом определяли вывод на первый план тех или иных личностных черт и элементов творческого наследия братьев. В кайзеровской Германии отмечалась их приверженность национально-государственному единству и величию. При национал-социалистах подчеркивали их вклад в пропаганду национальной и даже расовой исключительности. Для бФРГ их главное значение состояло в стремлении к культурной интеграции и преодолению политических барьеров средствами языка. В ГДР превозносили якобы присущий им демократизм и республиканизм. До сего дня они сами и их труды остаются заметной составной частью немецкой массовой культуры.

Ключевые слова: братья Гримм, Германия, «места памяти», историческая память, политическая культура

Вот уже более девяноста лет, со времени выхода знаменитой работы Мориса Хальбвакса «Память и ее социальные условия» (1925) различные формы исторической и культурной памяти, практики коллективных воспоминаний неизменно привлекают внимание историков. Последние три десятилетия под влиянием концепции Пьера Нора продолжается настоящий бум интереса к «местам памяти». Один из свежих примеров тому – недавно вышедший труд большого международного коллектива под названием «Европейские места памяти» (в 3-х т.)¹

С конца XIX в. и до наших дней важнейшим «местом памяти» для немцев остаются братья Гримм. Образ собирателей народного фольклора, составителей всемирно известных «Детских и домашних сказок», выдающихся ученых-лингвистов – авторов «Немецкого словаря», патриотов родного языка и общего отечества постоянно работал на формирование позитивной национальной идентичности и осознание преемственности в развитии немецкого общества, особенно под влиянием опыта катастрофических «разрывов» германской истории. Однако необходимо помнить, что в творчестве братьев Гримм как ярких представителей эпохи романтизма проявлялись порой противоположные и даже взаимоисключающие черты – космополитизм и национализм, либерализм и консерватизм, стремление к конституционному государству и вера в силу монаршей власти. Еще при жизни братья Гримм пользовались общественным уважением, которое проявлялось в различных формах. Якоб Гримм в 1842 г. был удостоен высшего

¹ См.: Europäische Erinnerungsorte... 2012.

прусского гражданского ордена «За заслуги» (*Pour le Mérite*) в области науки и искусства. Следствием стал некоторый ореол легендарности вокруг этих знаменитых ученых еще при их жизни. Как представляется, посмертный образ братьев Гримм послужил предметом своеобразного мифотворчества. Фактически каждое поколение немцев и каждый политический режим создавали свой собственный образ Гриммов, подчеркивали те стороны их личной и творческой биографии, которые могли быть встроены в общий контекст официальной политической культуры и служить элементом легитимации власти.

Младший из братьев Вильгельм скончался 16 декабря 1859 г., старший Якоб – 20 сентября 1863 г. Появившиеся некрологи были сдержанными и тактичными, что соответствовало эмоциональной природе братьев. В них подчеркивались, в частности, подлинный академизм, универсальность исследуемых областей, взаимное соответствие научных и политических замыслов и братская верность друг другу². Георг Вайц, который унаследовал от Ф. Дальмана должность профессора истории в Геттингене, через 2,5 месяца после смерти Якоба Гримма в посвященной его памяти речи перед местным научным обществом главное внимание уделил личным качествам и академическому образу умершего. Только в начале выступления он позволил себе высказывание политического толка: Якоб Гримм был «без сомнения одним из самых популярных людей в Германии» и внес «решающий вклад в подъем национального духа». Однако Вайц констатировал: «Он (Якоб Гримм – *Н.Б.*) не испытывал удовольствия от политических дел»³.

Однако уже вскоре началось прославление братьев Гримм представителями вильгельмовского общества, которые стремились использовать их имена для обоснования собственного политического мировоззрения. Известный филолог-германист Август Расцманн в 1871 г. – году основания Германской империи, в биографической статье о Якобе Гримме как о «герое науки» во «Всеобщей энциклопедии наук и искусств» Эрша и Грубера позволил себе восторженное восклицание: «Если бы ему было суждено вновь пережить наши славные дни, когда наш народ в гигантской борьбе добился своего единства, которого едва ли кто так горячо и страстно желал, как он и когда настало ожидаемое им с уверенностью тихое, радостное время – когда все великое и прекрасное, что когда-либо создал немецкий дух на своем языке и в своем праве, своих вере и поэзии, обычаях и сказаниях, и чему он всеми его произведениями на благо и гордость нашего народа помог сбросить оковы и проложить путь, впервые во всей полной силе пролилось на

² Bleek 1986.

³ Waitz 1864. S. 514.

отечество – какой бы радостью и воодушевлением была бы зажжена его благородная, глубоко патриотическая душа»⁴.

Вильгельм Шерер, первый академический биограф братьев, произнес речь по поводу 100-летия со дня рождения Якоба в 1885 г. в Берлинском университете. Он, с одной стороны отмечал безмятежность жизни братьев как ученых, но с другой – возвышал их до уровня передовых борцов за национально-государственное единство Германии. Биографическая статья Шерера о Якобе Гримме заканчивалась утверждением: «Скромный гений, привязанный к дому и к родине». В итоге он видел в образе братьев «картину несравненного стремления служения немецкой науке к чести нации»⁵.

Так оба брата, не расположенные к националистическому высокомерию патриоты, которые никогда не скрывали своего скепсиса по отношению к властным замашкам Пруссии и надеялись на создание охватывающей всех немцев империи со свободной конституцией, превратились в главных защитников Второго рейха. Им приписывали «оптимизм» и ура-патриотизм, который был чужд их сдержанной и скорее скептической натуре. С тех пор они в глазах буржуазного общества вильгельмовской империи представляли как образцовое олицетворение его представлений о самом себе: созерцательность, усердие и богобоязненность изнутри, но гигантизм, гениальность и героизм вовне.

Не удивительно, что братья Гримм в 1930-х гг. в конечном счете стали воплощением «немецкого духа» и «немецкой сути» для национал-социалистов, а также их академических соратников и попутчиков. Были свои трудности с празднованием столетнего юбилея протеста «геттингенской семерки» профессоров с участием братьев Гримм против отмены конституции Ганновера королем Эрнстом-Августом. – Воспоминание об этом событии могло бросить тень сомнения на национал-социалистскую практику клятвы 1933–1934 гг. Также оно не соответствовало основному принципу того времени – безусловного послушания фюреру со стороны народных товарищей. И все же, расхожее толкование творческого наследия братьев Гримм вполне встраивалось в общую тенденцию подчеркивания «подлинной немецкой народности», которая стала преобладать в германистике уже за несколько десятков лет до захвата власти национал-социалистами. Научная программа масштабных исследований в сфере германистики, понимаемой как синтез языкознания, истории и права, которую обосновали оба брата, использовалась для обоснования претензий на создание «подлинно немецкой науки» – всеохватной науки о «немецком духе». Их индук-

⁴ Jacob Grimm / Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften... S. 274.

⁵ Scherer 1885. S. 21.

тивный и интуитивный метод легитимизовал мистифицирующие подходы, их усилия по сохранению немецкого языка служили оправданием принудительного отказа от употребления иностранных слов.

Патриотичные и в то же самое время универсальные интенции братьев Гримм упрощались и подгонялись под националистические и даже расистские идеи. Это становится ясно уже из перечня названий книг и журнальных статей, которые были опубликованы в Третьем Рейхе пользующимися хорошей репутацией исследователями. Если Вилл-Эрих Пойкерг (вскоре лишенный права на преподавание как неблагонадежный) в 1935 г. в изданном им собрании сочинений братьев довольствовался подзаголовком «Вечная Германия», то Вилли Бергер в 1937 г. говорил о «Якобе Гримме и его национальной идеологии», а Вильгельм Шооф в 1941–1942 гг. в журнале с характерным названием «Ежемесячник нордической мысли» опубликовал подборку «Народ и раса у Якоба Гримма» [8]⁶. В произведениях братьев Гримм, где прежде всего речь шла о сохранении культурного и, в частности, языкового наследия немцев, подчеркивались националистическая лексика, экспансионистские претензии и расистское высокомерие.

После заката национал-социалистского господства в мае 1945 г. критическое рассмотрение немцами собственного прошлого неизбежно должно было затронуть также роль германистики в Третьем Рейхе.

Дальше всего пошел в этом отношении западногерманский филолог Вальтер Белих, который считал, что этот академический предмет был с самого начала поражен «болезнью национализма». Согласно Белиху, от наследия братьев Гримм к германистам эпохи национал-социализма вел прямой путь, проложенный антипросветительскими и антиреволюционными идеями. Белих утверждал: «Нет, Якоб Гримм не был революционером по характеру»⁷. Отсюда делался простой вывод, что если бы Гриммы дожили, то они наверняка должны были с ликованием встретить день Версаля, объединение Германии сверху и создание империи.

Однако в Боннской республике преобладающей оказалась другая тенденция: недавним ложным путям немецкой германистики противопоставлялись ее славные истоки. Начало этому положил Карл Цукмайер в 1948 г. в его книге о братьях Гримм. Для автора, согласно подзаголовку этого биографического очерка, жизнь и деятельность Гриммов представлялась «немецким вкладом в человечность»⁸. Для Цукмайера оба брата с их характером – скромным, тихим и в то же время способ-

⁶ См.: Die Brüder Grimm... 1935; Berger 1937; Schoof 1941. S. 265-269.

⁷ Boehlich 1966. S. 56.

⁸ Zuckmayer 1948. S. 63.

ным к воодушевлению в поисках правды, воплощали лучшие качества немцев, достойные продолжения. Без сомнения Цукмайер, так же как и многие его коллеги, оказавшийся при нацистах в эмиграции, ощущал себя продолжателем традиции Гриммов: как и они, бежал от произвола властей и вернулся на родину, чтобы помочь в ее демократическом восстановлении средствами поэзии и германистики.

Жизнь братьев Гримм во имя немецкого языка стала основным официальным мотивом сохранения памяти о них в ФРГ. Именно благодаря этому аспекту своей деятельности они попали на обложку журнала «Шпигель» в мае 1961 г. по случаю окончания издания «Немецкого словаря». В юбилейном 1985 г. слава Якоба и Вильгельма Гриммов как лингвистов проявилась в сенсационном успехе продаж 33-томного издания «Немецкого словаря» карманного формата⁹. Понимание братьев Гримм как верных зову совести и гуманистически настроенных ученых легло в основу речи федерального президента Рихарда фон Вайцекера 26 августа 1985 г. при открытии VII Международного конгресса германистов в Геттингене. Язык, звучало в речи федерального президента, всегда должен служить не средством национально-государственного размежевания и надменности, а средством согласия между людьми и народами. Не в последнюю очередь такую функцию выполняет немецкий язык, который при всех расхождениях, особенно в официальном словоупотреблении, обеспечивает прочную связь между жителями Федеративной республики и ГДР, а также Австрии, Швейцарии и немцами, живущими далеко за этими границами.

Однако деятельность Гриммов в качестве историков права и либеральных политиков практически игнорировалась. Только однажды, в 1957 г., их протест 1837 г. вновь был актуализирован в сознании широкой общественности, когда 18 профессоров-физиков, сотрудников Геттингенского института им. Макса Планка направили воззвание к федеральному правительству с требованием отказаться от запланированного оснащения бундесвера ядерным оружием. В остальном же Гриммы в Западной Германии, как во всем мире, оставались известны, прежде всего, как собиратели и издатели «Детских и домашних сказок». Общественное признание братьев-сказочников в ФРГ проявлялось в ироничной переработке мотивов и дешифровке содержания их сказок. Известно, что Вильгельм Гримм сглаживал и скрывал слишком непосредственные сексуальные намеки в сказках. Современные исследователи стремятся расшифровывать эти, в большинстве случаев очевидные «тайны», причем граница между серьезным исследованием и остроумной сатирой часто оказывается размытой.

⁹ См.: Deutsches Wörterbuch... 1984.

Так, например, известный франкфуртский политолог-марксист, видный деятель СДПГ Иринг Фечер использовал скучные затяжные собрания в университетском самоуправлении, чтобы актуализировать и перетолковать сказки Гриммов с точки зрения филологической критики текста, психоанализа и исторического материализма. В результате появилась книга «Кто разбудит поцелуем Спящую красавицу?», которая на сегодняшний день выдержала 12 переизданий и достигла тиражей, о которых автор едва ли мог мечтать¹⁰. Все эти свидетельства отражают факт, что сказки Гримм до сих пор составляют часть сокровищницы культуры повседневности ФРГ. Однако они одновременно являются продуктами тех потребностей и особенностей современного общества, которые, наверное, показались бы братьям странными.

По сравнению с Федеративной республикой восприятие братьев Гримм в ГДР выглядело более однозначным, единообразным, традиционным, научным и в некотором смысле более «немецким». Традиция положительного признания Якоба и Вильгельма Гриммов была заложена уже родоначальниками научного социализма. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своих трудах, особенно по истории языка и права постоянно обращались к произведениям Гриммов. Когда 4 января 1985 г. в ГДР праздновался 200-й день рождения Якоба Гримма, газета «Neues Deutschland» выбрала в качестве заголовка юбилейной статьи фразу из письма Энгельса Марксу 1859 г., в котором он просил вернуть ему «Историю немецкого языка» Я. Гримма и заметил: «но старик (Гримм – Н.Б.) действительно изумителен»¹¹.

Принципиальное значение для политической и научной оценки Гриммов в официальной памяти ГДР имела речь Лео Штерна, посвященная 100-летию со дня смерти Якоба Гримма. Младший брат Манфреда и Вольфа Штернов – активистов Коминтерна и советских разведчиков, в то время заведовал кафедрой новейшей истории в университете Галле-Виттенберг. Он произнес эту речь 26 сентября 1963 года в Академии наук ГДР – бывшей Прусской Академии наук в Берлине, членами которой в свое время были оба Гримма.

Патриарх марксистско-ленинской истории в «немецком государстве рабочих и крестьян» выступил против распространенного аполитичного и окруженного романтическим ореолом представления о братьях только как «книжных червях». Вопреки этому он предлагал исследовать интеллектуальное и политическое значение Гриммов, их жизнь и произведения в контексте истории Германии. Штерн делал вывод о том, что у Якоба Гримма можно наблюдать «все более очевид-

¹⁰ Fetscher 1972.

¹¹ Маркс, Энгельс. Т. 29. 1962. С. 406.

ный переход от патриотически-консервативной позиции его молодых и первых зрелых лет к умеренному либералу, к демократу с очевидными антифеодальными, республиканскими воззрениями в позднем возрасте». Якоб Гримм был великим немецким ученым, даже если и не был политиком. Все же, заключил свою речь Штерн, его произведения, переписка и отдельные активные политические выступления свидетельствовали об «очевидном политическом вкладе Якоба Гримма в дело народа, свободы, прогресса, демократии и гуманизма»¹².

Политики, германисты и историки ГДР при оценке братьев Гримм до конца придерживались подобных установок. Они стремились защитить образ Гриммов как от аполитичного принижения до дядек-сказочников и кабинетных ученых, так и от радикальных обличений их как националистов или даже протофашистов. В их жизни и творчестве подчеркивались скорее проявления принципиальных позиций прогрессивной буржуазии того времени. В политическом, но не методическом смысле они вписывались больше в традицию прогрессивного просвещенческого движения, чем консервативной романтики. Именно поэтому в официальной пропаганде ГДР Гриммам от Гердера перешло почетное звание «филологов нации». Закономерно, что именем Гриммов в 1979 г. была названа премия, которая вручалась министром высшего и среднего специального образования ГДР в номинации «Немецкий язык как иностранный» и «Переводчик». Ее удостоивались специалисты, имевшие особые заслуги по «содействию работе с немецким языком и германистикой за границей». Каждый год она присуждалась группе до 6 человек на торжественном собрании, где обязательно звучали приветствие министра и доклад одного из ведущих восточногерманских специалистов. В этих выступлениях непременно подчеркивалось научное значение творчества Гриммов применительно к современной политике ГДР. Это было не всегда легко, поскольку с одной стороны необходимо было признать, что братья Гриммы были приверженцами и зачинателями создания обширной немецкой «языковой нации», а с другой стороны в ГДР отвергался официальный западногерманский лозунг «единой культурной нации» и подчеркивалась идеологема о «самостоятельной социалистической немецкой национальной культуре». Отмеченная идеологическими и политическими мотивами избирательность в восприятии наследия Гриммов в ГДР становится также очевидна при взгляде на список лауреатов. С 1980 по 1985 в нем отмечены 6 человек из ГДР, 16 из других социалистических государств, 5 из неприсоединившихся стран, 7 из государств евроатлантического сообщества, но ни одного из Федеративной республики.

¹² Stern 1963. S. 26.

Официальное использование творческого наследия братьев Гримм составляло часть обширных усилий по презентации ГДР как олицетворения и воплощения всех прогрессивных и гуманистических традиций немецкой истории. Эти претензии в 1975 г. открыто декларировал Курт Хагер, ответственный за культуру секретарь ЦК СЕПГ, когда назвал ГДР «наследником всего великого и бессмертного в культуре немецкого народа». Это восприятие истории и классики служило легитимизирующим потребностям социалистического немецкого государства, но одновременно было отражением того, как его правители презентовали свой собственный образ. Под этим знаком 1981 год был объявлен в ГДР годом Шинкеля, 1982 – Гете, 1983 – одновременно годом Лютера и Маркса, 1985 – Баха, Генделя и Шютца, а 1985–1986 – отмечался как двойной год в честь братьев Гримм. Вместе с ними прославлялась и сама Германская демократическая республика, где с таким почтением чувствовали этих гигантов духа. Вряд ли братья Гримм были бы довольны столь чрезмерным вниманием к себе. При жизни, во всяком случае, они чаще уклонялись от появлений на публике и прочих прославлений.

Наряду с конкурентной борьбой вокруг творческого наследия братьев Гримм оба немецких государства продолжали сотрудничество во имя его сохранения. Удивительным и убедительным примером этой немецко-немецкой кооперации стало удавшееся в конце концов завершение «Немецкого словаря». Для реализации этого монументального проекта нужно было преодолеть самые разные трудности – от избытка материала – только за 4 года (1908–1912), геттингенские студенты собрали около 2 млн. словарных карточек, и до драматических событий, связанных с вывозом этих документов в конце Второй мировой войны Красной армией и последующим возвращением их в Восточную Германию. Объединенными усилиями рабочих групп в Восточном Берлине и в Геттингене удалось закончить эпохальный труд. В начале 1961 г., через 123 года после начала работы братьями Гримм и через 109 лет после появления первого тома увидел свет последний 32-й том оригинального издания. Еще удивительнее, что накануне 13 августа 1961 г., дня возведения берлинской стены, Академия наук ГДР и Геттингенская Академия наук в ФРГ приняли решение приступить к переработке «Немецкого словаря», завершение которого, несмотря на революцию в информационных технологиях, принимая во внимание вал источников, вероятно, вновь потребует не менее столетия.

В современной Германии образ братьев Гримм бытует на двух взаимосвязанных уровнях исторической памяти.

Во-первых, безупречная академическая репутация братьев служит укреплению и развитию немецкой филологии, популяризации немецкого языка. Каждый год Германская служба академических об-

менов (DAAD) вручает премию имени Якоба и Вильгельма Гриммов в размере 10 тыс. евро одному иностранному ученому за «выдающиеся труды в области немецкого литературоведения и языкознания, немецкого языка как иностранного, а также германских исследований»¹³. В 2001 г. авторитетная общественная организация «Союз немецкого языка», насчитывающая 36 тыс. членов из 100 стран мира, учредила премию имени Якоба Гримма в размере 30 тыс. евро. Одной из первых в 2002 г. ее была удостоена Л. Путина «за поддержку немецкого языка как иностранного в России». Изучением и актуализацией научного наследия братьев занимаются Общество и музей братьев Гримм в Касселе, Дом братьев Гримм в Штайнау. В 2011 г. в университете Касселя была введена одноименная профессура¹⁴.

Во-вторых, братья наряду с персонажами своих сказок оказались героями популярной культуры. Начать с того, что их двойной портрет украшал самую крупную банкноту в 1000 марок из последней серии национальной валюты, выпускавшейся в 1991–2001 гг. (хотя мало кто из немцев имел возможность держать в руках купюру такого крупного номинала). 2012 год, когда отмечалось 200-летие первого издания «Детских и домашних сказок», на территории федеральной земли Гессен-Дармштадт был объявлен «годом Гриммов», а за ним последовали 2013, 2014 и 2015. Содержание каждого памятного года составляет обширная культурная программа из театральных постановок, концертов, выставок. Разработан и пользуется популярностью туристический маршрут «Дорога сказок», проходящий через 60 населенных пунктов и природных объектов, связанных с творчеством братьев или сюжетами их сказок. Наконец, на горе Вайнберг под Касселем открылся центр «Гриммвельт» с выраженной ориентацией на просвещение младших поколений бундесбюргеров и пятью тематическими зонами – «Игра в слова», «Бумажная гора», «Миры фантазий», «Пути образования»¹⁵.

Как видим, сегодня острота политических коннотаций в толковании образа братьев Гримм снята, но они по-прежнему остаются важными маркерами как официальной политической, так и массовой культуры современной ФРГ.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 29. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1962.
- Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2. T. 29. M.: Gos. izd-vo politicheskoi literatury, 1962.
- Berger W. Jacob Grimm und seine völkische Gedankenwelt. Offenbach: Kleinsorge, 1937. 229 S.

¹³ Süddeutsche Zeitung. 28. Juni 2006.

¹⁴ Kölner Stadtanzeiger. 4. November 2011.

¹⁵ Frankfurter allgemeine Zeitung. 20. August 2013.

- Bleek W. Die Bruder Grimm und die deutsche Politik // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 1986. 4 Januar (№ B 1/86). S. 3–16.
- Boehlich W. Aus dem Zeughaus der Germanistik. Die Brüder Grimm und der Nationalismus // Der Monat. 1966. № 18. S. 56–68.
- Deutsches Wörterbuch. In 33 Bände. Leipzig, 1854–1961. Taschenbuchausgabe. München, 1984.
- Die Brüder Grimm. Ewiges Deutschland. Ihr Werk im Grundriß. Hrsg. von W. E. Peuckert. Leipzig: Kröner, 1935. 462 S.
- Europäische Erinnerungsorte. Hrsg. v. P. Den Boer, H. Duchardt, G. Kreis, W. Schmale. München: Oldenbourg, 2012. Bd. 1. Mythen und Grundbegriffe des europäischen Selbstverständnisses. 333 S. Bd. 2. Das Haus Europa. 626 S. Bd. 3. Europa und die Welt. 290 S.
- Fetscher I. Wer hat Dornröschen wachgeküßt? Das Märchen-Verwirrbuch. Hamburg, Düsseldorf: Claassen, 1972. 218 S.
- Frankfurter allgemeine Zeitung. 20. August 2013.
- Jacob Grimm / Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste. Section 1. Theil 91. S. 176–275.
- Kölner Stadtanzeiger. 4. November 2011.
- Scherer W. Rede auf Jacob Grimm. Gehalten in der Aula der Königlichen Friedrich-Wilhelms Universität am 4. Januar 1885. Berlin, 1885. 23 S.
- Schoof W. Volk und Rasse bei Jacob Grimm // Monatsschrift für den Nordischen Gedanken. 8. Heft 6. 1941. S. 265–269.
- Stern L. Der geistige und politische Standort von Jacob Grimm in der deutschen Geschichte. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften. Berlin: Akademie-Verlag, 1963. 26 S.
- Süddeutsche Zeitung. 28. Juni 2006.
- Waitz G. Zur Gedächtnis von Jacob Grimm / Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft von Wissenschaften zu Göttingen. 1864. Bd. 11. S. 504–534.
- Zuckmayer C. Die Brüder Grimm. Ein deutscher Beitrag zur Humanität. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1948. 66 S.

Баранов Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; baranov61@mail.ru

Brothers Grimm in German historical memory

The article considers the image of the Grimm brothers as “places of memory” and its significance for the identity of the Germans. From the change of official political ideology, those or other personal traits and elements of the brothers’ heritage came to the forefront. The brothers’ commitment to national-state unity and greatness was noted in Kaiser Germany. Their contribution to the propaganda of national and even racial exclusiveness was emphasized under the National Socialists. For the Bonn republic, their main importance was in the striving for cultural integration and overcoming political barriers by means of language. The GDR was extolled allegedly inherent democracy and republicanism. To this day, Grimm brothers themselves and their works remain an important part of German mass culture.

Keywords: Brothers Grimm, Germany, “places of memory”, historical memory, political culture

Nikolay Baranov, Dr. Sc. (History), Head of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; baranov61@mail.ru